

Оригинальная статья / Original article

УДК 947.083.76(571.63):362.92

DOI: <http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-193-205>

БЕЖЕНЦЫ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ДО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЖИВАНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ

© Т.З. Позняк

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, Российская Федерация, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.

Аннотация. Первая мировая война, революция и гражданская война превратили Россию в страну вынужденной миграции. Волна беженцев докатилась и до дальневосточной окраины. Их численность во Владивостоке в годы Первой мировой войны была значительно меньше, чем в Европейской России или Сибири, тем не менее, в условиях нехватки жилья и финансов помощь беженцам и обеспечение их повседневных нужд превратилось в серьезную проблему для городского самоуправления и Комитета помощи беженцам, который организовал размещение беженцев в военных казармах, питание и выплачивал пособия. После революции Комитет прекратил свою работу, забота о беженцах перешла на городское самоуправление. С началом интервенции жилищный кризис во городе приобрел масштабы катастрофы, беженцам приходилось жить в холодном, загрязненном, переполненном здании вокзала или вагонах на железнодорожных путях. С началом эпидемии тифа в городе в начале 1919 г. вокзал превратился в один из ее основных очагов, однако многие представители войск интервентов, занявшие большинство военных казарм в городе, не соглашались отдать их под нужды беженцев. С большим трудом городскому самоуправлению удалось добиться отвода казарм на окраине города. Организацией помощи беженцам ведала Комиссия общественного призрения, она обеспечивала их кровом в ночлежных домах и общежитиях, благотворительные организации иногда выдавали пособия, белье, одежду и обувь.

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война, Владивосток, беженцы, городское самоуправление, общественное призрение, Комитет помощи беженцам, квартирный кризис.

Информация о статье. Дата поступления 1 февраля 2018 г.; дата принятия к печати 5 марта 2018 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2018 г.

Формат цитирования. Позняк Т.З. Беженцы во Владивостоке от Первой мировой до гражданской войны: проблемы выживания и общественного призрения // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 193–205. DOI: [10.21285/2415-8739-2018-2-193-205](http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-2-193-205)

THE REFUGEES IN VLADIVOSTOK FROM THE FIRST WORLD WAR TO THE CIVIL WAR: PROBLEMS OF SURVIVAL AND PUBLIC CHARITY

© T.Z. Poznyak

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
89 Pushkinskaya Str., Vladivostok 690001, Russian Federation

Abstract. In the First World War Russia became a country of forced migration, this process continued during Revolution and Civil War. The wave of refugees has come to the far Eastern outskirts. The number of refugees in Vladivostok was less than in European Russia and Siberia, nevertheless, the placement and provision of daily needs of refugees has become a problem for the city government and the public in the conditions of the housing crisis and the lack of finances. The Refugee Assistance Committee organized the accommodation of refugees in military barracks, meals and paid stipends. The committee's work was cut short after the revolution due to a lack of funds and people who wanted to work there. The care for refugees was entrusted to the city government and Public Charity Commission. With the beginning of the intervention the apartment crisis turned into

a disaster, the refugees had to live in a cold, polluted, crowded railway station building or railroad cars. With the onset of the typhus epidemic in the city in early 1919, the station turned into one of the main hotbeds of the epidemic, but representatives of the intervention forces, who occupied the majority of military barracks in the city, did not agree to give them to the needs of refugees. With great difficulty, the city self-government succeeded in securing the withdrawal of the barracks on the outskirts of the city. The city self-government in the person of the provided part of the refugees with blood in doss-houses and hostels, repaired, heated them, the charity organizations gave allowances, linen, clothes and shoes.

Keywords: World War I, Civil War, Vladivostok, refugees, city government, Refugee Assistance Committee, unemployment, housing crisis, public charity

Article info. Received February 1, 2018; accepted for publication March 5, 2018; available online June 30, 2018.

For citation. Poznyak T.Z. The refugees in Vladivostok from the First World War to the Civil War: problems of survival and public charity. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2018. Vol. 14. No. 2. Pp. 193–205. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-193-205. (In Russian).

Первая мировая война, кроме ужасов и трудностей, переживаемых солдатами на полях войны, породила множество социальных проблем в тылу, вызвала массовую вынужденную миграцию населения и появление в стране новых групп населения, нуждавшихся в помощи (семьи нижних чинов, призванных на войну, сироты, беженцы, инвалиды и пр.). Проблемы размещения, питания и трудоустройства беженцев в разных регионах страны наложились на прочие трудности – нехватку продовольствия и жилья, рост цен, что привело к резкому ухудшению условий жизни населения страны и социальной напряженности. «Огромные массы людей, сорванные с обжитых мест голодом, военными действиями, бесчинствами войск и страхом за свое будущее, порождали ситуацию, называемую на современном языке гуманитарной катастрофой» (Минаев, 2001. С. 5).

Первые работы, специально посвященные проблеме беженцев в России, начали появляться еще в 1990-х гг. (Белова, 2014. С. 41), к настоящему времени совершен большой прорыв в исследовании этой проблемы не только на материалах Европейской части страны, но и Урала, и Сибири. Исследователями рассматривалась как общая постановка дела приема и обустройства беженцев в империи в годы Первой мировой войны и гражданской войны, правовые основы его организации, так и деятельность региональных администраций и общественности в этой сфере. В последние годы наблюдается колоссальный подъем интереса к данной теме (Белова, 2014; Курцев, 1999; Ростов, Горелов, 2015; Рынков, 2014, 2014; Михалев, Пьянков, 2015; Туманова, 2013; Шиловский, 2015; и др.).

Изучение беженства на российском Дальнем Востоке ограничивалось периодом, включающим Первую мировую войну (Иконникова, 1999. С. 208-243) и исследования призрения детей в годы гражданской войны (Пай, 2008, 2012).

Целью данной статьи является изучение повседневной жизни беженцев во Владивостоке в период от Первой мировой войны до гражданской войны и деятельность региональной администрации, местного самоуправления и общественных организаций по решению их проблем.

Размещение беженцев на Дальнем Востоке не планировалось, несмотря на это, в августе 1915 г. первые беженцы по своей инициативе прибыли во Владивосток. Городской голова вышел с инициативой объединения всех сил для организации помощи им. В городе еще не стихла патриотическая волна, и предложение головы активно поддержала местная общественность. На организационном заседании 2 сентября 1915 г. собралось 96 чел., представлявших 59 организаций, был создан Комитет помощи беженцам (далее - Комитет), состоящий из 8 секций: регистрационная, квартирная, хозяйственно-продовольственная, врачебно-санитарная, учебная, юридическая, трудовая и секция религиозно-духовных нужд (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 4, 71-72, 82-83).

С середины октября беженцы начали прибывать во Владивосток еженедельно и к концу октября было зарегистрировано 890 беженцев (Далекая окраина 1915. 24, 25 окт.; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 114, 116). С конца октября беженцев на вокзале кормили горячей едой, в день отпусалось 50 обедов, питание организовал Местный комитет

Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, средства поступали от сборов кофейни «Чашка чая», организованной местными дамами, где они сами же и работали (Там же. 1915. 28, 31 окт., 28 нояб.).

Беженцев разместили на окраине города - в казармах военного ведомства в «Гнилом углу»¹. Эти помещения находились в антисанитарном состоянии, требовали побелки, устройства печей и бани, необходимо было заготовить топливо и нанять служащих для отопления помещений, принять меры врачебно-санитарного характера, этим первоначально и занялись члены Комитета (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 108-108 об.). В казармах было организовано питание «из общего котла», с 21 по 31 октября, например, ежедневно питалось от 237 до 360 чел. в день, всего за этот период накормили 3 285 чел. При артельном довольствии ежедневное питание беженцев обходилось в 32 коп. на чел. (Далекая окраина. 1915. 5, 25 нояб.)

Местные газеты были переполнены критическими статьями, авторы которых указывали на бездействие Комитета. В статье «Беженцы в Гнилом углу» автор описал ужасающее состояние отведенных беженцам казарм и их положения: «в одной казарме были хотя бы койки и тюфяки, в другой же – взрослые и дети были вынуждены спать на голых нарах “впвалку”», беженцы страдали от холода и вшей, жаловались на плохое питание, отсутствие умывальников и приспособлений для стирки, медицинской помощи и негативное отношение населения. Журналисты указывали на бездействие трудовой секции, которая не собрала сведения ни о существующих в городе вакансиях, ни о профессиях беженцев (Далекая окраина. 1915. 25, 27 окт.)

Однако Комитет не бездействовал, хотя не все его секции работали одинаково интенсивно: учебная - провела обследования местных школ и выявила 304 места для детей беженцев; врачебно-санитарная – установила ежедневное дежурство

врачей на период с 1 по 15 ноября, приступила к организации амбулаторной помощи в казармах, для чего отвела несколько комнат – под аптеку, приемную, больничный покой с 3 кроватями и для фельдшера (Далекая окраина. 1915. 1 нояб.) Комитет призвал население пожертвовать средства, одежду и предметы первой необходимости для беженцев, на призыв откликнулись рабочие порта и нижние чины местного гарнизона, собрали средства, закупили зимние тужурки (Там же. 1915. 22 окт., 4, 5 нояб.).

Не все разделяли энтузиазм местного общества, среди населения стали распространяться слухи, что беженцы не хотят работать и требуют за свой труд «непомерной оплаты». В местной прессе, с одной стороны, писали о фактах иждивенческих настроений среди беженцев, с другой - корили обывателя, что он, склонный «искать оправдание своей инертности в деле помощи беженцам, рад воспользоваться этими слухами для собственного оправдания» (Далекая окраина. 1915. 27 окт.)

По мере того, как росло число беженцев в городе, а государственных средств на выплаты пособий в регион не поступало, возникли трудности с финансированием призрения беженцев. К 14 ноября в городе было зарегистрировано 1 238 беженцев, 29 декабря – 1 627 (Далекая окраина. 1915. 25 нояб., 9, 23, 31 дек.). Во Владивосток направлялась лишь небольшая часть беженцев из всего потока, следующего на восток. К началу 1916 г. в Сибирь прибыло 160 тыс. чел. (Рышков, 2014. С. 30). В октябре 1915 г. на помощь беженцам городское самоуправление выделило 6 000 руб., Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам (ВСГ) – 10 000 руб. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 108-109, 118, 119). От государства средства на возмещение расходов региональных Комитетов поступили только в конце ноября 1915 г. – 45 тыс. руб., из них Приморский областной Комитет получил 20 тыс., которые необходимо было разделить между всеми городами и населенными пунктами области (Иконникова, 1999, С. 221-222; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 519. Л. 297). На конец августа 1916 г. ВСГ местному Комитету помощи беженцам выделил 25 тыс. руб. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 124). Выделенные

¹ Район города к востоку от восточной оконечности бухты Золотой Рог, получивший свое название из-за туманов, которые оттуда наплзали на город.

The area of the city to the east of the eastern extremity of the Golden Horn Bay, received its name due to fogs, which from there poured into the city.

Рис. 1. Восточная оконечность бухты Золотой Рог, получившая название «Гнилой угол». Фото М. Хаскелла
Fig. 1. The eastern end of the Golden Horn, which was called the "Rotten Corner". Photo by M. Haskell

городом и ВСГ средства не покрывали расходов Комитета, финансы его стремительно таяли, в конце декабря 1915 г. было решено лишить права на «всякое довольствие» беженцев, получивших работу или отказавшихся от предложенной работы. Лица, не приискавшие себе занятий, получали пособие в течение определенного времени, право же на бессрочное пособие имели только нетрудоспособные. Город был разделен на 9 попечительных участков, в каждом из которых назначены заведующие, которые сразу провели обследование беженцев на вверенных им участках. Согласно его результатам 21-22 декабря Комитет провел выплаты пособий (Далекая окраина. 1915. 25 нояб., 22, 23 дек.). Проживавшим отдельными семьями на частных квартирах выдавалось продовольственное пособие деньгами: взрослому по 30 коп. в день, ребенку до 5 лет – по 15 коп. Жившим в общежитии продовольственная помощь по-прежнему оказывалась «натурой из общего котла». В апреле 1916 г. Комитет оставил пособие только детям до 14 лет и одному из трудоспособных членов семьи, который не мог работать из-за присмотра за детьми (Иконникова, 1999. С. 218-219; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 474. Л. 3).

Уже к концу 1915 г. волна массовой поддержки благотворительных начинаний пошла на убыль, и дело призрения беженцев легло на плечи немногочисленных энтузиастов. В городе наблюдалась острая нехватка жилых помещений, беженцы не

могли найти дешевых квартир и даже углов, большинство их по-прежнему проживало в казармах в «Гнилом углу». В феврале 1917 г. в виду угрозы эпидемии тифа во Владивостоке состоялось экстренное заседание городской управы, где было обращено внимание «на антисанитарное состояние общежития беженцев (низкую температуру помещений, отсутствие теплых клозетов, грязь и др.)» и Комитету предложили создать более благоприятные условия для жизни беженцев, однако стесненность в средствах не позволяла изменить ситуацию (Далекая окраина. 1915. 4 нояб.; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 703. Л. 75 об.).

После Февральской революции 1917 г. местное общество было охвачено борьбой за власть, благотворительность отошла на второй план, в ней появились другие приоритеты – население охотнее жертвовало на пострадавших от царских репрессий «борцов за свободу» и забыло воинов, членов их семей, сирот и беженцев. В марте 1917 г. Владивостокская дума заслушала доклад управы, согласно которому Комитет заявлял о тяжелом положении призреваемых беженцев и невозможности удовлетворить их нужды в виду отсутствия «как материальных средств, так и лиц, желающих работать по удовлетворению нужды беженцев». Комитет также просил сообщить городской управе о прекращении действия Комитета, чтобы она приняла беженцев под свое покровительство, или же передала их другой организации. Управа предложила передать

дело помощи беженцам Дальневосточному областному комитету союза городов, и дума согласилась (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 458. Л. 132).

Осенью 1917 г. положение прибывавших в город беженцев осложнилось, жилищная нужда в городе приняла «угрожающие формы», в октябре 1917 г. Латышское общество обратилось в управу с просьбой помочь в размещении прибывших в город 40 беженцев, в виду невозможности разместить их в казармах в «Гнилом углу». Беженцы вынуждены были неделями жить на вокзале в совершенно антисанитарных условиях (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 55). В начале декабря 1917 г. ВГД приняла постановление № 224 «Об открытии временного ночлежного дома»: «Идя навстречу удовлетворению жилищной нужды, принявшей в городе, за последняя время, угрожающие формы, ГУ наряду с другими мероприятиями приступила в первую очередь к очистке вокзала от скопившейся там, за неимением квартир, публики. С этой целью, войдя в соглашение с военным ведомством, в здании гарнизонной гауптвахты устроен временный ночлежный дом, состоящий из 34 малых, 3 средних и 3 больших комнат». (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 221; Д. 783. Л. 44 об.). Еще в конце октября Комиссия из представителей городской управы, Совета рабочих и военных депутатов, Центрального бюро профессиональных союзов определила правила пользования ночлежным домом: он предоставлялся вновь прибывающим во Владивосток лицам в платное пользование: малые комнаты - одной семье, средние - двум семьям; три большие комнаты использовались исключительно для ночлега. Срок пользования комнатами устанавливался двухнедельный и только в особо исключительных случаях мог быть продлен постановлением Жилищной комиссии, которая и занималась вселением в ночлежный дом. Заведывание им поручалось члену городской управы Н.Е. Доенину (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 221, 239-240). После открытия ночлежный дом сразу же был заполнен жильцами, которые поселились там на постоянной основе, и уже в декабре все обращения бесприютных об удовлетворении их ночлегом к председателю Жилищной комиссии Е. Геруцкому оставались без удовлетворения.

В декабре 1917 г. в городе не было ни работы, ни дешевого жилья, по примеру Петрограда и Москвы, закрывших к себе въезд, во Владивостоке пытались ограничить приток беженцев и лиц, ищущих работу: в местных газетах было опубликовано «Обращение» городской думы и объединенного Исполкома Совета: «С наступлением зимнего времени и прекращением прихода иностранных пароходов, в городе Владивостоке все острее и острее чувствуется безработица. В Биржу труда ежедневно являются сотни людей, ищущих работу. Слухи о баснословных заработках во Владивостоке привлекают сюда рабочих из области и из центра России. Одновременно с наплывом людей все острее и острее становится квартирный кризис. Все, что можно приспособить под жилье, приспособлено. Приезжающим приходится ютиться по целым неделям в переполненном людьми вокзале. Но если и дальше так будет продолжаться, то и на вокзале не будет места, и вновь прибывающие рискуют при зимних морозах остаться без всякого крова. Существующие здесь организации ... делают все от них зависящее, чтобы помочь населению найти кров и работу. Но эти организации считают своим долгом заявить, что им стоит больших трудов устраивать уже осевшее во Владивостоке население; поэтому они слагают с себя всякую ответственность за то, если вновь прибывшие останутся без работы и без квартиры...» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 193).

Зиму и весну 1918 г. Совет рабочих и солдатских депутатов и городская управа пытались хоть как-то улучшить положение безработных и беженцев. В январе - феврале 1918 г. была образована Комиссия по разработке плана общественных работ, предоставлены для безработных и беженцев работы по очистке улиц и трамвайных путей от снега, очистке и ремонту тротуаров, пошиву белья для интендантства, однако в виду отсутствия средств эта деятельность быстро заглохла (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 831. Л. 6-7, 10, 12-18).

После чехословацкого переворота 29 июня 1918 г. и падения Советской власти в городе к работе вновь приступила Приморская областная земская управа (ПОЗУ) (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 14. Л. 39 об.; Д. 27. Л. 1). Призрением беженцев, как и

остального нуждавшегося в помощи населения, занималась городская Комиссия общественного призрения, земство и иностранные благотворительные организации. С начала июля 1918 г. ПОЗУ был организован Отдел общественного призрения, деятельность его регулировалась циркуляром от 8 августа 1918 г. № 893 Отдела призрения Министерства внутренних дел Временного Сибирского правительства, а также Временным положением о призрении беженцев, разосланным на места в середине сентября. В этих документах было детально прописано, кто из беженцев и на какие виды помощи имел право (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 375. Л. 30). Забота о беженцах возлагалась на городские и земские самоуправления с выделением из казны небольших средств. Согласно Временному положению, беженцами считались «граждане, покинувшие свое постоянное местожительство в местностях, занятых неприятелем или объявленных в эвакуации». Призрению подлежали неимущие, дети, больные и нетрудоспособные взрослые. Продовольственное пособие получали дети до 14 лет. Из взрослых считались нетрудоспособными мужчины, достигшие 55 лет, женщины старше 50 лет, женщины перед родами, в послеродовом периоде, имеющие детей до 5 лет, а также лица, не способные работать из-за физических недостатков и увечий (последнее должно было определяться врачом). Предоставлялось питание, квартира, лечение больных, обучение детей в учебных заведениях в виде денежного пособия или натурой. Продовольственное пособие на одно лицо определялось стоимостью продуктов, входящих в состав продовольственного пособия семьям, призванных на военную службу, но не должно было превышать 45 руб. в мес. Квартирное пособие составляло 10 руб. в мес. на каждого беженца, имеющего права на призрение, начиная с пятилетнего возраста. Вместо него организации, ведавшие беженским делом на местах, имели право помещать беженцев в общежитие независимо от семейного состава и трудоспособности. Содержание общежития, наемная плата, ремонт, отопление, освещение, кипячение воды производилось за счет государственного казначейства. Каждый неимущий беженец имел право на бесплатное лечение за

счет государства в городских и земских больницах (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 375. Л. 31).

Обучение в низших школах земских и городских детей беженцев производилось за счет государства, причем расходы по оборудованию и содержанию школ, открываемых для беженцев, местному самоуправлению возмещались государством по действительной стоимости согласно сметам, утверждаемым МВД. Организациям, ведавшим призрением беженцев, предоставлялось право помещать за казенный счет в учреждения Общественного призрения беспризорных беженских детей, престарелых и увечных беженцев. Беженцы, пользовавшиеся общественным призрением, были обязаны по вопросам о выезде на родину или переезде на жительство в другие местности подчиняться соответствующим организациям, отказывавшиеся подчиняться этому правилу, лишались права на помощь (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 375. Л. 31 об.).

Однако благие намерения правительства упирались в отсутствие средств, поэтому Отдел призрения ПОЗУ ограничивался сбором сведений о беженцах по уездам и городам и их распределением, а в случаях особо уважительных причин «переводворением» беженцев из одного уезда в другой (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 375. Л. 9). Почти все местные благотворительные организации за вторую половину 1917 г. – начало 1918 г. распались, и органы местного самоуправления, вынужденные самостоятельно справляться с призрением нуждавшихся, обращались за средствами в областное земство. Помощь нуждавшимся оказывали только Американское и Японское общества Красного Креста (Там же. Л. 13 об.).

После прихода к власти Колчака ПОЗУ и ВГД продолжали действовать в качестве органов местного самоуправления. В 1919 г. делом призрения продолжал ведать Отдел призрения при ПОЗУ, директивы поступали из МВД через управляющего областью Эверсмана. Летом 1919 г. в условиях отсутствия в городе жилья и работы местные власти - гражданские и военные - единственный выход видели в закрытии города для беженцев и распределении их по другим населенным пунктам. Начальник Штаба Владивостокской крепости настоятельно

рекомендовал беженцев, прибывавших во Владивосток морем, направлять на жительство в Барабаш, Славянку, Новокиевск и Посьет, прибывавших же по железной дороге - задерживать в Никольске-Уссурийском или Раздольном, и предложил использовать в Барабаше, Посьете и Раздольном под размещение беженцев пустующие полковые казармы. В июле 1919 г. управляющий областью Эверсман предложил земскому и городскому самоуправлению позаботиться хотя бы на первое время обеспечением беженского населения в указанных населенных пунктах питанием и работой (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 375. Л. 18). Комендант Владивостокской крепости полковник Бутенко решил пойти еще дальше и запретить въезд в район крепости лицам, не имевшим в ней постоянного жительства. В письмах председателю ПОЗУ и Владивостокскому городскому голове 27 июля 1919 г. он предупредил, что приказ о запрете въезда в город лицам, не имеющим в нем постоянного жительства, будет издан одновременно с приказом о выселении беженцев, находившихся во Владивостоке и не связанных с городом работой (Там же. Л. 17).

Однако эти решения не привели к освобождению города от беженцев, они по-прежнему жили в здании вокзала, занимали вагоны, необходимые железной дороге. В подобном положении беженцы находились по всей Сибири (Рынков, 2014. С. 104). На имя управляющего Приморской областью 12 сентября 1919 г. Министр внутренних дел Пепеляев прислал телеграмму, предложив «принять все меры к немедленному освобождению прибывающих вагонов от беженцев и эвакуированных учреждений», размещению их в местах водворения, а также удовлетворять эвакуированных служащих, согласно постановления Совета Министров от 5 мая 1919 г. № 143, окладами «содержания эвакуированных служащих, состоящих в резерве», «широко используя их труд» (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 375. Л. 24).

Несмотря на предпринимаемые властями меры нормативного и директивного характера в попытках улучшить положение беженцев, в условиях отсутствия средств оно только ухудшалось, а с прибытием в город войск интервентов квартирный

кризис приобрел характер апокалипсиса (Позняк, 2017. С. 340–341). К октябрю 1918 г. в городе присутствовало 73 тыс. чел. союзных войск, к концу года около 150 тыс. (Гражданская война 1917–1922. С. 230; Шишов, 2005. С. 269). Военные потребовали вернуть здания, отданные под заселение беженцев в прежние годы: 13 сентября 1918 г. Командующий войсками Приморской области попросил городские власти освободить здание гауптвахты по Посьетской улице, отданное в конце 1917 г. под ночлежный дом, однако из-за отсутствия подходящих свободных зданий город не спешил исполнять это требование (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 783. Л. 102). В декабре 1918 г. в ночлежном доме проживало около 200 чел. Самостоятельные попытки его попечителя П. Цикуля найти помещения для переселения не увенчались успехом и натолкнулись на сопротивление жильцов. Они отказывались переселиться в предложенные бараки бывшего Работного дома на 8-ой Рабочей улице, поскольку он находился на окраине города, был очень холодным из-за неисправных печей, здание же гауптвахты располагалось в центре и вблизи мест выгрузки на железнодорожной станции и пристани Добровольного флота. Сложность ситуации с беженцами на вокзале и освобождением ночлежного дома проясняет письмо П. Цикуля в Комиссию общественного призрения от 23 декабря 1918 г.: «...вокзал переполнен людьми, спящими на холодных каменных плитах пола, причем там очень много малолетних детей, жизни которых грозит опасность» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 783. Л. 220–220 об.). Он писал, что единственной организацией, оказывавшей помощь беженцам, был Американский Красный Крест, выдававший пособие, занимавшийся поисками свободных помещений и расселявший беженцев в станционных теплушках. Обитатели ночлежного дома просили Красный Крест заступиться за них, и представители последнего сообщили беженцам, что они могут проживать в здании гауптвахты, «так как для них не имеется помещений, ибо другие беженцы, пользующиеся покровительством ... Красного Креста, расселены в прочих разнообразных местах и одного общего здания для объединения всех беженцев в одном месте в рас-

поражении Красного Креста не имеется» (Там же. Л. 220–220 об.).

Однако переписка Комиссии общественного призрения, городского головы, инженерного ведомства, начальника штаба крепости с декабря 1918 г. по конец января 1919 г. не дала результатов: стороны не смогли договориться, военные требовали освободить здание гауптвахты, город просил выделить взамен другие казармы. В этот момент прекратились полномочия старого состава городского самоуправления, в конце января 1919 г. новый состав думы приступил к работе (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 783. Л. 215–222 об.).

В начале февраля 1919 г. в городе были зафиксированы первые случаи тифа, он распространялся вместе с прибывавшими по железной дороге. На тот период на вокзале ежедневно ночевало около 2 000 чел. Залы были днем и ночью заняты лежащими и сидящими людьми, уборка и дезинфекция вокзальных помещений были затруднены, и он превратился в один из основных очагов эпидемии. Ужасающее положение людей, вынужденных в условиях отсутствия свободных жилых помещений в городе жить в заброшенных товарных и пассажирских вагонах, стоявших в беспорядке по обеим сторонам железной дороги и на железнодорожном вокзале, красочно описано очевидцами событий – представителями войск интервентов.

Врач 16 полевой амбулатории капитан Э. Эллингтон из Канадского экспедиционного корпуса писал: «... Вокзал Транссибирской магистрали заполнили голодающие беженцы. Голодающие в прямом смысле. Места на вокзале мало, они лежат на полу вплотную друг к другу. Да, мы делаем все, что можем. У нас есть кое-какие припасы, и это все, что мы можем отдать. Никогда не забуду: я держал буханку хлеба, ко мне подбежала женщина с малышом, я отдал ей хлеб, но, право же, я никогда не видел настолько голодного ребенка» (Иситт, 2013. С. 251).

Французский писатель Ж. Кессель, бывший во время гражданской войны в составе французских войск во Владивостоке, испытал потрясение от увиденного: «Вокзал и был источником зловония, который просто сбивал с ног. Отвратительный до тошноты запах. Но и это было еще не все. От двери до самых дальних уголков зала пол был устлан густой отвратительной массой, мягкой, рыхлой, похожей на торф или трясину. Никто не знал, жива ли она или мертва, поскольку иногда масса лежала неподвижно, а иногда совершала едва заметные движения. Сквозь окна, грязные от копоти, толстого слоя пыли и инея, пробивался слабый свет сероватого оттенка. Мне понадобилось много времени, чтобы различить в этой массе, покрывавшей все пространство зала, так что яблоку негде было

Рис. 2. Здание железнодорожного вокзала в ноябре 1919 г. Фото М. Хаскелла
Fig. 2. The building of the railway station in November 1919. Photo by M. Haskell

упасть, человеческие тела, переплетенные, связанные между собой» (Кессель, 2012. С. 61–62). Свидетельства очевидцев демонстрируют, что люди уже опустились на самое социальное дно и не имели никаких сил сопротивляться, даже не пытались вырваться из тисков нужды и бездомности, вероятно, уповая только на помощь со стороны власти и благотворителей.

На междуведомственном совещании 4 февраля 1919 г. член ПОЗУ, доктор П.П. Попов в докладе «Объединенная борьба с сыпным тифом» в общем числе мер борьбы с эпидемией обозначил необходимость освобождения вокзала и поиска помещения для беженцев: «...Позор, что мы имеем помещение для кинематографов, ресторанов «без крепких напитков» и притонов, а наряду с этим терпим положение, при котором сотни наших граждан с детьми на грязном полу вокзала проводят свои ночи без надежды устроиться сносно в близком будущем. ... Между тем на это надо смотреть так: если есть люди на улице, то не может быть даже школы – ее надо отдать этим людям. Во всяком случае, если этого не было сделано, то теперь непреклонная необходимость нас заставляет изыскать способы. Во что бы то ни стало сейчас должны быть устроены ночлежные дома и дешевые квартиры с баней и дезинфекционной камерой и, по возможности, столовой при них. ... Ночлежные дома должны быть открыты в НУ, Хабаровске и Владивостоке, хотя бы для этого пришлось закрыть 2–3 школы...» (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 379. Л. 62–63, 66).

На этом совещании было создано бюро по поиску помещений, необходимых для организации заразного госпиталя и общежития для лиц, живших на вокзале. Его члены – доктора П.П. Попов и Г.И. Локх обошли множество зданий военного ведомства – бывший местный лазарет, казармы на мысе Эгершельд, крепостную гауптвахту и др. Осмотр «корпусов морского ведомства обнаружил необычайно широкое расположение союзных учреждений». У них сложилось впечатление, «что странно искать с такими трудностями помещения для больницы сыпно-тифозной, когда достаточно небольшого потеснения учреждений союзников без всякого для них ущерба, чтобы удовлетворить

эту экстренную и чрезвычайную потребность города». Однако представители японского командования категорически отказались потесниться и предлагали реквизировать городские здания или занять школы (РГИА ДВ. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 379. Л. 71–72 об).

Содействие противоэпидемическому бюро оказали только комендант союзного командования майор Джонсон и комендант крепости полковник Бутенко, указав два помещения на мысе Чуркин под ночлежный дом и квартиры (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 783. Л. 222–223; Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 379. Л. 73).

Беженцы из гауптвахты и вокзала были переселены в казармы на мысе Чуркина 10 марта 1919 г. Для них сначала выделили одну казарму № 109, а затем вторую – № 147. Первая предназначалась для семейных беженцев, вторая – под ночлежный дом. Попечителем этих домов состоял член Комиссии общественного призрения П. Цикуль, а смотрителем – лицо по найму (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 960. Л. 36–36 об.).

Семейные и одинокие беженцы жили в казармах бесплатно, отопление и освещение казарм осуществлялось за счет Комиссии общественного призрения, средства которой были в основном городские (в отличие от прежних имперских времен, когда часть средств поступала от благотворительных сборов). На расходы по содержанию ночлежных домов на мысе Чуркина в смету на 1920 г. было внесено 70 569 руб., они шли на личный состав – смотритель и 2 сторожа (11 925 руб.), отопление (27 782 руб.), освещение (4 345 руб.), телефон (600 руб.) и ремонт казармы (22 331 руб.). Денежной отчетности при ночлежных домах не велось, на расходы попечитель получал авансы и отчитывался за них перед Комиссией общественного призрения (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 960. Л. 36 об.).

Казармы представляли собой огромные двухэтажные корпуса с большим числом печей, для их отопления требовалось «невероятное количество топлива». В казарме № 109 разместились 42 семьи, переехавшие с гауптвахты, 73 семьи, выселенные с вокзала, и 136 семей, прибывших из разных пунктов России, преимущественно из Сибири, и несколько местных, находящихся, по их заявлению,

здесь временно. В этой же казарме помещались 21 чел. холостых эмигрантов. Часть семей, преимущественно переехавших с гауптвахты, разместились в отдельных комнатах, но большинство жило в общих палатах, только некоторые имели койки (оставленные в казармах военным ведомством), а большинству приходилось спать на полу. Поселившиеся в отдельных комнатах, по мнению комиссии, осматривавшей казармы, намеревались остаться жить в них надолго, некоторые из жильцов потратились: сложили плиты, побелили стены.

В казарме № 147, отведенной под ночлежный дом, кроме ночлежников в отдельных комнатах разместилось несколько десятков семей. Точной регистрации ночлежников не велось, но, по данным смотрителя, в среднем бывало от 300 до 350 чел. за ночь. Для размещения такого количества людей отвели два больших зала, где люди располагались на полу. Комиссия планировала начать выдачу ночлежникам чаю, и для этого была сложена плита и вмазан большой котел. Контингент ночлежников был разнообразный, преимущественно рабочие, приезжие, отбившиеся от работы или ищущие ее, нищие. Положение беженцев было тяжелым, лишь некоторые из семейных имели работу, большинство жило на «выпрашиваемые» пособия, получали продовольствие от Американского

Красного Креста. Утром все ночлежники из помещения уходили в поисках работы, и в нем проводилась уборка. Доставка в казармы из города осуществлялась на военном катере бесплатно. Женского отделения не было и, по заявлению заведующего домами не требовалось, так как среди одиноких ночлежников женщины отсутствовали (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 960. Л. 36). Для оказания врачебной помощи ночлежные дома посещались представителями Американского Красного Креста, которые отвозили больных в городскую больницу. При казармах имелась лошадь для доставки дров, угля, отвоза мусора, необходимость содержания ее вызывалась отдаленностью приюта и дороговизной доставки материалов (Там же. Л. 36–36 об.). Выделение жилья улучшило положение беженцев, однако увеличило круг забот городского самоуправления, вынужденного искать средства для содержания казарм и персонала.

Таким образом, можно сказать, что Первая мировая война и последовавшие за ней революция и гражданская война превратили Россию в страну вынужденной миграции. Проблема беженцев во Владивостоке в годы Первой мировой войны не стояла столь остро как в Европейской части страны и Сибири в силу относительной малочисленности беженцев, но тем не менее в условиях жилищного

Рис. 3. Вид на Владивосток и бухту Золотой Рог
Fig. 3. View of Vladivostok and the Golden Horn Bay

кризиса и нехватки средств размещение и обеспечение повседневных нужд беженцев превратилось в серьезную проблему для городского самоуправления и общественности. Для решения этих насущных проблем в 1915 г. был создан Комитет помощи беженцам. После революции в условиях падения интереса местного общества к благотворительности Комитет прекратил свою работу, забота о беженцах перешла на органы городского самоуправления: Комиссию общественного призрения, земства, а также благотворительные организации, в основном иностранные. Все они в условиях квартирного кризиса и нехватки средств бились в тщетных попытках обеспечить минимальные потребности беженцев: выпрашивали у военного ведомства здания и приспособляли их под ночлежные дома и квартиры для беженцев, в годы Первой мировой войны самых нуждавшихся обеспечивали пособиями или питанием из «общего котла» (средства поступали от казны и благотворительных организаций). В годы гражданской войны, когда поток беженцев в город стал неконтролируемым, даже столь минимальная забота была тяжким бременем для города. Некоторая часть беженцев была обеспечена кровом в ночлежных домах и общежитиях,

Комиссия общественного призрения ремонтировала, отапливала эти здания, подвозила воду и дрова, благотворительные организации обеспечивали беженцев пособиями, бельем, иногда одеждой и обувью. Однако множество беженцев, прибывавших в город, жили в ужасающих условиях - в холодном, грязном, переполненном здании вокзала или вагонах на железнодорожных путях, они спали на холодном полу, не имели работы и еды. Единственным способом выжить для них оставалась помощь благотворительных организаций, попрошайничество, кражи и т. д. Эта часть беженцев фактически опустилась на социальное дно, откуда выбраться не было ни сил, ни желания, ни возможности. Маргинализация части беженцев, включая детей, нехватка средств, чтобы вернуть их к нормальной социальной жизни, превратились в серьезную проблему для региональной власти и городского самоуправления.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ №17-81-01009 «Повседневная жизнь населения г. Владивостока от Первой мировой до гражданской войны (1914–1922)».

Библиографический список

Белова И.В. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. 432 с.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.

Далекая окраина. Владивосток. 1915.

Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны: монография. Хабаровск: Хабаровский государственный педагогический университет, 1999. 366 с.

Иситт Б. Из Виктории во Владивосток. Канадская сибирская экспедиция, 1917–1919 гг. / пер. с англ. С. Панич. Владивосток: Дальнаука, 1913. 392 с.

Кессель Ж. Смутные времена. Владивосток 1918–1919 гг. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2012. 144 с.

References

Belova I.V. *Vynuzhdennyye migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voyny v Rossii. 1914–1925 gg.* [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914–1925]. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2014, 432 p. (In Russian).

Grazhdanskaya voina i voennaya interventsia v Soyuze Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. Entsiklopediya [Civil war and military intervention in the USSR]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987, 720 p. (In Russian).

Dalekaya okraina. Vladivostok. 1915.

Ikonnikova T.Ya. *Dal'nevostochnyy tyl Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny* [The Far Eastern rear of Russia during the First World War]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University Publ., 1999, 366 p. (In Russian).

Isitt B. *Iz Viktorii vo Vladivostok. Kanadskaya sibirskaya ekspeditsiya, 1917–1919 gg.* [From Victoria to Vladivostok. Canadian Siberian Expedition, 1917–1919]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 1913, 392 p. (In Russian).

Kessel Zh. *Smutnye vremena. Vladivostok 1918–1919 gg.* [Troubled times. Vladivostok 1918–1919]. Vladivostok: Tikhookeanskoe izdatel'stvo "Rubezh", 2012, 144 p. (In Russian).

Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.

Минаев В.В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Новый исторический вестник. 2001. № 3. С. 1–12.

Михалев Н.А., Пьянков С.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 95–105.

Пай С.С. Решение проблемы беженства, беспризорности и безнадзорности детей в Приморской области в 1917–1922 гг. // Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы Второй Междунар. науч. конф. (Владивосток, 25–27 октября 2012 г.). Владивосток, 2012. С. 149–154.

Пай С.С. Социально-воспитательные учреждения Приморской области в 1918–1922 годах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 344–347.

Позняк Т.З. Квартирный кризис во Владивостоке в годы революции 1917 г. и гражданской войны // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы Второй Междунар. науч. конф. (Владивосток, 12–14 октября 2016 г.). Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД РФ, 2017. С. 335–342.

Ростов Н.Д., Горелов Ю.П. Прием беженцев в г. Иркутске и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 4 (17). С. 86–89.

Рынков В.М. «Сибирский бег»: вынужденные миграции на востоке России в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 9. С. 101–115.

Kurtsev A.N. Bezhency Pervoj mirovoj vojny v Rossii (1914–1917) [Refugees of the First World War in Russia (1914–1917)]. *Voprosy istorii* [Problem of History], 1999, no. 8, pp. 98–113. (In Russian).

Minaev V.V. Demograficheskie faktory obostreniya ehkonomicheskogo krizisa v gody grazhdanskoj vojny (na primere Sibiri i Dal'nego Vostoka) [Demographic factors of the aggravation of the economic crisis in the years of the Civil War (on the example of Siberia and the Far East)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [New historical bulletin], 2001, no. 3, pp. 1–12. (In Russian).

Mikhalev N.A., P'yankov S.A. Bezhency Pervoj mirovoj vojny v Rossijskoj imperii: chislennost', razmeshchenie, sostav [Refugees of the First World War in the Russian Empire: number, location, composition]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2015, no. 4 (49), pp. 95–105. (In Russian).

Pai S.S. *Reshenie problemy bezhenstva, besprizornosti i beznadzornosti detei v Primorskoj oblasti v 1917–1922 gg.* [Solving the problem of refugees, homelessness and neglect of children in the Primorsky region in 1917–1922]. *Materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Grazhdanskaya voina i interventsia na rossijskom Dal'nem Vostoke: uroki istorii"* [Materials of the second international scientific conference. Civil War and Intervention in the Russian Far East: Lessons from History]. (Vladivostok, 25–27 oktyabrya 2012 g.). Vladivostok, 2012, pp. 149–154. (In Russian).

Pai S.S. Social'no-vozpitateľnye uchrezhdeniya Primorskoj oblasti v 1918–1922 godah [Social and educational institutions of the Primorsky Region in 1918–1922] *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science], 2008, no. 73-1, pp. 344–347. (In Russian).

Poznyak T.Z. *Kvartirnyi krizis vo Vladivostoke v gody revolyutsii 1917 g. i grazhdanskoj vojny* [The housing crisis in Vladivostok during the years of the Revolution 1917 and the Civil war]. *Materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Vladivostok – tochka vozvrashcheniya: proshloe i nastoyashchee russkoj emigratsii"* [Materials of the Second International Scientific Conference: Vladivostok – the point of return: the past and present of Russian emigration]. (Vladivostok, 12–14 oktyabrya 2016 g.). Khabarovsk, 2017, pp. 335–342. (In Russian).

Rostov N.D., Gorelov Yu.P. Priem bezhencev v g. Irkutsk i Irkutskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny [Reception of refugees in Irkutsk and Irkutsk province in the years of the First World War]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of ancient technologies], 2015, no. 4 (17), pp. 86–89. (In Russian).

Rynkov V.M. "Sibirskij beg": vynuzhdennye migratsii na vostoке Rossii v gody Grazhdanskoj vojny ["Siberian Run": forced migrations in the east of Russia during the Civil War]. *Izvestiya irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series "His-

Рынков В.М. Социальная мобильность в годы Первой мировой войны: специфика Азиатской России // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 27–32.

Туманова А.С. Организационно-правовое обеспечение беженства в годы Первой мировой войны // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1 (11). С. 50–59.

Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Шишов А.В. Разгром Японии и самурайская угроза. М.: Эксмо, 2005. 512 с.

Сведения об авторе

Позняк Татьяна Зиновьевна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, Российская Федерация, г. Владивосток,
ул. Пушкинская, 89,
e-mail: tzpoznyak@mail.ru

Критерии авторства

Позняк Т.З. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

tory"], 2014, vol. 9, pp. 101–115. (In Russian).

Rynkov V.M. Social'naya mobil'nost' v gody Pervoj mirovoj vojny: specifika Aziatskoj Rossii [Social mobility during the First World War: the specifics of Asian Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The humanities in Siberia], 2014, no. 3, pp. 27–32. (In Russian).

Tumanova A.S. Organizacionno-pravovoe obespechenie bezhenstva v gody Pervoj mirovoj vojny [Organizational and legal support for refugees during the First World War]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Vestnik of Moscow University. Series "Juridical sciences"], 2013, no. 1 (11), pp. 50–59. (In Russian).

Shilovskii M.V. Pervaya mirovaya voina 1914–1918 godov i Sibir` [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf Publ., 2015, 330 p. (In Russian).

Shishov A.V. Razgrom Yaponii i samuraiskaya ugroza [The defeat of Japan and the samurai threat]. Moscow: Eksmo Publ., 2005, 512 p. (In Russian).

Information about the author

Tatiana Z. Poznyak,
Candidate of Sciences (History), Senior Researcher,
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
89 Pushkinskaya Str., Vladivostok 690001, Russian Federation,
e-mail: tzpoznyak@mail.ru

Attribution criteria

T.Z. Poznyak made the research work, on the base of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, she owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.